

И НА ЧУЖБИНЕ ВЫРАСТАЮТ ЦВЕТЫ НАДЕЖДЫ...

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Такое явление в современной литературе, как творчество Тахара Бекри (р. 1951) - этнического тунисца, араба, работающего во Франции, в Университете Нантера (где он преподает арабскую литературу), трудно рассматривать в рамках принадлежности только к какой-то одной национальной словесности.

Действительно, кто они, многочисленные сегодня писатели и поэты-магрибинцы - алжирцы, марокканцы, тунисцы, пишущие и по-французски, и по-арабски, североафриканцы по происхождению, а по призванию, как сказал мне однажды классик уже марокканской литературы Дрис Шрайби (1926-2007), - «просто писатели», «просто поэты»? Можно было бы ответить, что они - просто художники современного мира, где всё смешалось, где на одной территории сосуществуют разные народы, нации, языки, где Запад и Восток сегодня не столько уже цивилизационные, но, скорее, политические ориентиры...

Однако Тахар Бекри, живя на Западе, в творчестве своем постоянно напоминает, что он - тунисец, магрибинец, «средиземноморец», ибо и по сей день черпает свое вдохновение в разных источниках, исполнен болью родной земли, хотя уже и не безраздельно принадлежа ей, путешествуя по миру (его часто приглашают на многочисленные поэтические фестивали), познавая его и раздвигая таким образом рамки своей изначальной, природной и «региональной» обусловленности, расширяя диапазон своих впечатлений и ощущений современности.

Но родная земля - это не только география, она - и история, сформировавшая судьбу поэта, познавшего в молодости и удел узника, политзаключенного, и изгнанника, и скитальца...

Поколению Тахара Бекри тоже пришлось бороться за справедливость, хотя эпоха национально-освободительной борьбы уже завершилась в пору его возмужания. Но и в его студенческие времена в стране жилось нелегко, и молодежь, как и сегодня, сопротивлялась «злу и насилию», напоминая власти о том, что народ никогда не смирится с утратой общественных идеалов, вызревавших в эпоху свершения независимости.

Оказавшись в эмиграции на Западе, Бекри, как и другие его соотечественники и собратья по перу - североафриканцы, понял, что и здесь многие идеалы недосыгаемы: обещанные когда-то французам «Свобода, Равенство и Братство» сейчас уже точно кажутся лозунгом иллюзорным...

Но поэт по призванию, он будет упорно работать, писать, храня в душе надежду «увидеть рассвет» и над своей родиной, и «луч Солнца», который «обогреет» его и в холоде изгнанничества. Недаром его научное творчество - докторская диссертация - было посвящено одному из самых лирических, но и самых трагических фигур новой литературы Магриба - алжирцу Малеку Хаддаду, тоже претерпевшему жизнь на чужбине, рано ушедшему из жизни, но всю ее, «без остатка», отдавшему воспеванию Свободы своей родной земли¹. И первые поэтические книги Т.Бекри - сборники стихов «Пахарь Солнца», «Песнь странствующего короля» и др. исполнены именно этой надеждой².

Но как-то постепенно в его поэзии³ воцарялась мелодия грусти, тоски, интонация печали, надежда его словно угасала в ощущении всё нарастающей чуждости окружающего мира. Если в его поэзии конца XX в. слышался лейтмотив постепенно копив-

шейся в душе горечи и боли, тоски и даже отчаяния (прекрасно выраженных в одном из стихотворений словами об «осколках» его «сердца в океанах странствий»), то в его поэтических сборниках начала XXI в. - «Охваченный пожаром горизонт», «Бесприютный ветер» и особенно - в книгах стихов «Обжигающий призыв моря», «Если музыка должна умереть»⁴ - уже звучит лишь печальная мелодия как тема смерти иллюзий, утраченных надежд и даже безвыходности и безнадежности жизни.

Не помогала душе поэта и найденная им когда-то, в минуты тяжелых раздумий, формула существования человека в *exil*, на чужбине: «Забыть всё и идти дальше»⁵. И даже когда-то заполнявший его поэзию образ моря как возможность обретения человеком «бескрайних» радужных «горизонтов», как необходимость перехода из мрачных тупиков прошлого в светлое будущее, превращался то в жесткое русло реки Жизни, то просто даже в некую «каплю крови», постепенно «засыхавшую», «затоптанную» на «темном асфальте» бытия...⁶

Что влияло на подобное состояние его души, всегда остро реагировавшей на окружающий мир? Да всё, что так или иначе творилось и в близкой, и далекой реальности, не безразличной сердцу. И неудачи в политике интеграции магрибинских (особенно) иммигрантов во Франции, и вспышки взаимной франко-арабской неприязни, и даже жестоких бунтов «окраинной» молодежи (из того поколения североафриканцев, которое уже родилось во Франции), требовавшей «равных прав» и «нормальной работы», но получавшей взамен полицейские облавы и высылку из страны. И бесконечный конфликт на Ближнем Востоке, вызывавший у поэта

сострадание к судьбе Палестины; и всё возраставшее социальное напряжение на его родине (в конечном счете, превратившееся в политический протест, в изначальное кровопролитие, а потом в т.н. «Жасминную революцию», которая, как видно сегодня, тоже закончилась крахом своих идеалов...).

Но то ли непременно, как сказано в Писании, «тьма» должна смениться «Светом нового дня», а человек - «вооружиться оружием Света»⁷, то ли пробился вдруг «луч Солнца» с родной земли, то ли путешествие Т.Бекри в Турцию и знакомство с наследием ее великого поэта Юнуса Эмре⁸ (1238-1320) пробудило желание писать о Любви, избавляющей человека от одиночества и наполняющей сердце и душу ощущением близости бездонного Неба, откуда и льется Свет.

Так или иначе, в 2012 г. появляется новый сборник стихов Т.Бекри, названный им «Вспоминая Юнуса Эмре», но посвященный «Памяти мучеников Революции» (или т.н. «арабской весны»)⁹.

...Он всегда тяготел к прозе и создал немало чисто повествовательных текстов, и недаром любил «белый» стих. Но если все его предыдущие поэтические сборники (как всегда двуязычные, арабо-французские) могли целиком и полностью соотноситься - не только своей эмоциональной насыщенностью, метафоричностью, но и формальным выражением (четкие терцины, кватрэнны или двухстрочные, ритмичные, как пульсация сердца, стихи - пером очерченные мысли, запечатлевшие образы мира) - с поэзией как таковой, то в новом собрании - скорее, ритмически (хотя и не всегда четко) звучит почти афористичная проза, хотя и исполненная художественных образов, словно концентрирующих, подводящих итоги долгих раздумий поэта, вновь увидевшего Свет в конце показавшегося было бесконечным мраке «туннеля» своей жизни...

Теперь уже он не созерцает «капли крови», застывшие на темном тротуаре, но видит на исходе ночи «хрупкие лепестки красного мака», которые не смог-

ли растоптать «сапоги военных», и знает, что уже «ничто не оставит» бег «вырвавшегося из-под снега ручья», как не смог «огонь тиранов» «разрушить черепицу крыши» домов, где жил восставший на его земле народ (Т.Бекри. «Вспоминая Юнуса Эмре», с. 10). Окружающий его мир вдруг предстает взору поэта подобным «бутону розы», хотя и окруженным «шипами», однако исполненный обещанием «расцвета», подобно «спящему» до поры до времени вулкану в горах, где под пеплом может таиться огонь «готовой вырваться наружу лавы»... (с. 12)

Он призывает «зарю», чтобы омыть лучами рассвета «встающий день», а ласточку - «распустить крылья», коснуться горных вершин, прогнать с них «ночную мглу», очистить небеса от «темных туч»... (с. 14). И словно заклиная самого себя, напоминает о том, что человек не должен уподобляться страусу и прятать голову под крыло или «зарывать ее в зыбучие пески своих воспоминаний» (с. 16). «Будь певчим лучше ты дроздом или красногрудой малиновкой», - лишь бы звучал голос человека, лишь бы пылало его сердце, «не боясь ожогов...» (с. 18).

Чужая земля, странствия, ссылка, изгнание вдруг становятся особым пространством - не только поиска Свободы, за которую приходится жестоко расплачиваться, но и территорией особой «закалки» человеческой сути, кузницей прочности человеческого духа, которая постигает необходимость солидарности (с. 20).

Появляется и «луч Звезды», который освещает «новый путь на исходе ночи», исчезает страх, и возникает желание охранить Любовь, уберечь ее от «осколков» взорвавшегося в небе метеора (с. 24).

Лирический герой новой книги поэта - весь в поисках «надежного шеста», чтобы спастись в «вихре вод», не утонуть, даже если волны, «словно нож, перерезают горло» (с. 26).

Освободиться от ненужных «утопий», от тумана иллюзий, но не утратить надежду и свою почти юношескую, романтическую очарованность «призрачными

миражами Пустыни мира» (с. 34). Идти только на Свет. И если кто-то вдруг снова попытается «опустить мрак», поэт знает, что надо сопротивляться, как это делает подсолнух, повертывая свои лепестки только к солнцу (с. 36).

Отныне он уверен в том, что «стены», разделяющие людей, не столь прочны, как мосты, их соединяющие (с. 40), и что даже самая высокая, самая грозная волна, пытающаяся захлестнуть человечество, рано или поздно разобьется о берег (с. 44) с той же неизбежностью, как и созреет жемчужина в «тюрьме своей раковины» (с. 16). И даже скользящий по склону горы человек, но идущий к своей цели, никогда не убоится бездны, подстерегающей его в нелегком пути (с. 52).

Не закрывай глаза.

Меж пробуждением

и сном твоим

Уж подрастает Древо

Твоих исполненных желаний...
(с. 58)

Поэту словно стало привольнее дышать, и он, обращаясь к самому себе и всем, кто слышит его голос, молит о том, чтобы суметь успеть, несмотря на то, что знает, что «не все птицы, улетев, возвращаются обратно», выпустить «на свободу свои песни», дать «выпорхнуть светлым нотам», будто освободившимся от жесткости стана, и включиться в симфонию вечно живой и неизбежно расцветающей по весне природы (с. 60).

И как бы возвращаясь из «отсутствия» в этом мире, как бы освобождаясь от оков, «сковавших душу мраком» (с. 62), поэт больше не ворошит «пепел обжигающих болью воспоминаний» (с. 64), но слушает музыку настоящего и пытается услышать его гармонию. Он знает теперь, что даже пчелы возвращаются в «свой улей» лишь тогда, когда они «полны медом» (с. 70), что даже растение заботится о «прочности своих корней», чтобы украсить землю (с. 72), и что даже «мудрец знает, что мудрость его не может стать выше гор» (с. 78).

Главное - суметь «открыть окно», встретить свой новый день, и тогда «ночь уйдет сама

собой»... (с. 80); не искушаться славой, не любоваться своим отражением в зеркале, но и «подолгу не смотреть на дно колодца», надеясь узреть лишь там Истину (с. 92). Ведь она - рядом. Достаточно оглянуться и увидеть, к примеру, оливу, которая «не теряет своей листвы» даже в старости, или простого воробышка, который именно потому выживает

даже суровой зимой, что другие птицы улетели в теплые края (с. 94).

*И если гнев душит тебя,
Не вставай на дыбы, словно
Конь разъяренный* (с. 98).

Это - не смирение поэта с судьбой. Это некое успокоение его, немного уставшего от бурь и

скитаний, но во многом научившегося «смотреть на Солнце», любить его живительные лучи (с. 100), видеть их отсвет в событиях дней, исполненных человеческой надежды на будущее, забыть о «холоде и снеге» чужбины и идти к «открывающимся вдали лучезарным Горизонтам» (с. 112).

¹ На русском языке см. переводы его романов, вышедшие в изд-ве «Художественная литература»: «Набережная Цветов не отвечает» (1989). О нем подр. см.: *Прожогина С.В.* Для берегов Отчизны дальней... М., 1992.

² См.: *Bekri Tahar.* Le laboureur du Soleil. P., 1983; Le chants du roi errant. P., 1985. Подр. см.: *Прожогина С.В.* Антология творчества Тахара Бекри. М., ИВ РАН, 2002.

³ См.: *Bekri T.* Le coeur rompu aux océans. P., 1988; Les chapelets d'attaches. P., 1994; Les songes impatients. P., 1995; Inconnus saisons. P., 2000.

⁴ *Bekri T.* L'Horizon incendié. P., 2002; Le vent sans abri. P., 2002; La brûlante rumeur de la mer. P., 2004; Si la musique doit mourir. P., 2006.

⁵ *Bekri T.* Marcher sur l'oubli. P., 2000.

⁶ Подр. см.: *Прожогина С.В.* Метаморфозы образа Моря в магрибинской литературе. М., 2010.

⁷ См.: Послание от Павла Римлянам, 13; 12-14.

⁸ Юнус Эмре - турецкий поэт, следовавший ветви в исламе - суфизму. Оказал огромное влияние на турецкую литературу. Считается основоположником турецкого стихосложения. Самые запоминающиеся строки - «Sevelim ve sevillelim», что в переводе с турецкого означает «Давайте любить и быть любимыми». Используя универсальные образы суфийской поэзии Ю.Эмре, автор в данной статье намеренно не хочет погружать читателя в ее глубины, исследуя сборник стихов Т.Бекри в рамках эволюции творчества современного писателя тунисского происхождения, изменение мировоззрения которого очень симптоматично, т.к. всегда было связано с надеждой на возрождение его народа к лучшей жизни... «Арабская весна» нашла отзвук в его душе.

⁹ *Bekri T.* Au souvenir de Yunus Emre. P., 2012.

«МЫ, КАК ГАЛЬКА НА ДОРОГАХ, ПОПИРАЕМЫЕ НОГАМИ БОГАТЫХ»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ И СЕМИНАР В КУАЛА-ЛУМПУРЕ

В.А. ПОГАДАЕВ

Кандидат исторических наук
Университет Малайя (Куала-Лумпур)

Ключевые слова: Малайзия, Куала-Лумпур, восточная поэзия, семинар «Поэты мира, цивилизация и кризис XXI века», писательская организация «Нумера»

В конце 2012 г. в Куала-Лумпуре состоялись Международные поэтические чтения и семинар «Поэты мира, цивилизация и кризис XXI века», организованные литературным объединением «Великая малайская Нусантара*» (сокр. «Нумера»). Организация «Нумера» (*Nusantara Melayu Raya*), созданная в 2011 г. по инициативе известного малайзийского поэта, лауреата Литературной премии Юго-Восточной Азии, носителя звания Национального писателя Малайзии Ахмада Камала Абдуллаха (Кемалы), быстро получила признание в стране и за рубежом.

В мероприятии приняли участие свыше 50 поэтов, литераторов, переводчиков, ученых из семи стран (Бангладеш, Бруней, Индонезия, Малайзия, Россия, Сингапур, Таиланд), в

т.ч. выдающийся поэт и переводчик Бангладеш Аминур Рахман, индонезийский поэт-ветеран из Аче Л.К.Ара, Национальный писатель Малайзии Ахмад Камал Абдуллах (Кемала), лауреаты премии Юго-Восточной Азии - брунейский поэт Зеффри Ариф и малайзийские поэты - Сити Зайнон Исмаил и Абдул Гафар Ибрагим (АГИ), генеральный директор Совета по языку и литературе Малайзии Аванг Сариян, глав-

ный редактор газеты «Берита Харриан» Миор Камарул Шахид и президент организации «Национальный писатель» (ПЕНА) Малайзии Салих Рахамад.

Почётным гостем семинара стал министр федеральных территорий сенатор Раджа Нонг Чик, который призвал поэтов через своё оружие - поэзию - беспристрастно бороться с подлостью, ложью, лицемерием, трусостью, провозглашать любовь, чистоту

* Нусантара (древнеяв. nusa - остров, antara - другой, отдаленный, вся территория) - термин, обозначавший в средневековой яванской литературе территорию, входившую в состав империи Маджапахит с центром на Яве (прим. ред.).